

Красницкий Александр Иванович

Под русским знаменем

**Повесть-хроника Освободительной
войны 1877-1878 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Под русским знаменем: Повесть-хроника Освободительной войны 1877-1878 гг / Красниц-
кий Александр Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 430 с.

ISBN 978-5-519-90905-1

ISBN 978-5-519-90905-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О СВОБОДИТЕЛЬНАЯ война, которую вела Россія съ Турціей въ 1877—1878 г.г.,—величайшее историческое событіе послѣдней четверти минувшаго столѣтія.

Триста тысячъ отборнаго войска подъ русскимъ знаменемъ, по приказу своего Державнаго Вождя и съ благословенія всего русскаго народа, перешло за Дунай, неся свободу и счастье поработленнымъ и угнетеннымъ христіанамъ Балканскаго полуострова, которыхъ всѣ въ то время въ Россіи считали братьями и по крови, и по вѣрѣ, и по духу. Русь побѣдила въ кровопролитной борьбѣ за чужое счастье и чужую свободу. Лучи никогда не меркнувшей славы осіяли ее. Подвиги ея сыновъ утвердили ея славу на берегахъ Дуная, на вершинахъ Великаго Балкана, подъ Шлевной.

Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка; подвиги героевъ Освободительной войны стали уже достояніемъ исторіи; многіе изъ участниковъ ея давно уже сошли въ могилу, тѣ же, которые остались въ живыхъ, спустя двадцать пять лѣтъ, не безъ отраднаго, думается, чувства вспоминаютъ о дняхъ своей юности и молодости, когда они, полные самоотверженія, шли на смерть ради дѣла, которое было для нихъ

святымъ. Уже дѣти ихъ вспоминаютъ славныя дѣла своихъ отцовъ и рассказываютъ о нихъ своимъ подростокующимъ дѣтямъ.

На фонѣ дѣйствительныхъ событій этой великой Освободительной войны—написана настоящая повѣсть. Рассказывая приключенія юнаго героя повѣсти, сражавшагося подъ русскимъ знаменемъ, авторъ въ легкой формѣ даетъ описаніе наиболѣе выдающихся моментовъ борьбы русскихъ съ турками, при чемъ въ описаніи сохранена, по возможности, историческая точность. При подобномъ способѣ повѣствованія легко, сами собою, запоминаются историческія данныя и многія подробности, которыя въ иномъ видѣ ускользнули-бы отъ вниманія читателя, въ особенности юнаго читателя, для котораго предназначена наша повѣсть. Таковы были задачи, преслѣдуемыя настоящимъ скромнымъ трудомъ.

Все не относящееся непосредственно къ повѣствованію: описанія нѣкоторыхъ мѣстностей, біографіи нѣкоторыхъ участниковъ войны, нѣкоторыя необходимыя поясненія помѣщены всѣ въ конецъ книги, совершенно отдѣльно. Въ качествѣ матеріаловъ авторъ пользовался рапортами и донесеніями начальствовавшихъ, современными событіями, корреспонденціями, воспоминаніями, рассказами участниковъ войны, а также нѣкоторыми другими матеріалами.

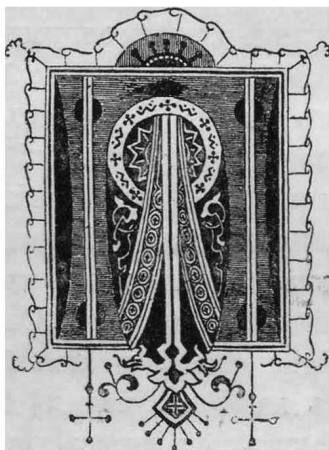
Дѣйствіе повѣсти происходитъ въ предѣлахъ европейскаго театра послѣдней русско-турецкой войны. О мало-азіатскомъ театрѣ войны въ настоящемъ повѣствованіи только упоминается, ибо главный центръ борьбы лежалъ на Балканскомъ полуостровѣ и тамъ, главнымъ образомъ, лплась рѣками русская кровь за славянскую свободу.

I.

Наканунъ великаго дня.

ОМОЛИСЬ, родная моя старушка, помолись за меня, своего Сережу. Когда ты будешь читать эти строки, нашъ полкъ будетъ уже за предѣлами Россіи... Теперь никакихъ колебаній быть не можетъ, нашъ государь уже прощался въ Тирасполѣ ¹⁾ съ войсками и завтра на Скаковомъ полѣ будетъ всенародно объявлена война... Ты поймешь, добрая моя, что за чувства волнуютъ мою душу... Великій мигъ переживаемъ мы, начинается великая борьба за освобожденіе страдальцевъ-славянъ, родственныхъ намъ, русскимъ, по крови, по вѣрѣ... Довольно ужасовъ, воплей, стоновъ, пришла пора остановить свирѣпыхъ палачей; царь сказать свое слово, и мы идемъ, идемъ на смерть, чтобы своею смертью смерть поправить... Да, родная, великій мигъ! Помолись-же, помолись за меня святою сво-

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ.

ею материнскою молитвою! Помолись, чтобы сынъ твой вездѣ и всюду на поляхъ битвъ былъ твердъ, стоекъ, а если суждено умереть, то пусть я умру вполне достойнымъ нашей родины... Объ этомъ помолись, родная моя старушка, объ этомъ...”

Вольноопредѣляющійся пѣхотнаго полка 14-ой пѣхотной дивизіи Сергѣй Васильевичъ Рождественцевъ отложилъ на мгновеніе перо и отеръ выступившій на лбу потъ. Рождественцевъ былъ совсѣмъ еще юноша и, грубый солдатскій мундиръ вовсе не подходилъ къ его стройной фигурѣ, съ красивымъ открытымъ лицомъ, словно говорившимъ объ его добромъ, честномъ и полномъ хорошихъ порывовъ характерѣ. Таковъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Порывъ привелъ его подъ солдатскую шинель. Онъ кончилъ гимназію медальеромъ и передъ нимъ открывался путь науки. Въ школѣ о военной карьерѣ Рождественцевъ и не думалъ. Онъ былъ у матери-вдовы однимъ сыномъ, и уже по этому одному отбываніе воинской повинности ограничивалось для него лишь вынужденіемъ жребія, но Россія переживала въ то время такой высокій подъемъ народнаго духа, что всякія личныя намѣренія и предположенія быстро ступенькивались предъ общимъ великимъ дѣломъ... Балканскіе славяне изнемогали въ непосильной борьбѣ съ своими поработителями-турками. Съ задунайскихъ равнинъ, съ высотъ Черногоріи, съ полей Сербіи, Босніи, Герцеговины неслись на Русь вопли и стоны жертвъ. Русскія сердца содрогались при извѣстіяхъ о рѣкахъ проливаемой крови, о мукахъ несчастныхъ страдальцевъ, попадавшихъ въ руки освирипѣвшихъ палачей. Русскіе люди, повинуваясь исключительно влеченію сердца, рвались на помощь тѣмъ, кого они считали своими братьями. Русская кровь уже пролита была за свободу балканскихъ славянъ, имя генерала Черняева гремѣло во всей Европѣ и только старанія дипломатіи откладывали начало столь желанной народу великой осво-

бодительной войны. Наконецъ, насталъ моментъ, когда дипломаты должны были смолкнуть: война стала неизбежною—ея требовала честь и достоинство всей Россіи³).

Уже въ послѣднемъ классѣ Сережа Рождественцевъ сталъ задумываться надъ значеніемъ совершавшихся событій. Нѣжный, чувствительный юноша не могъ безъ душевнаго трепета читать извѣстія объ ужасахъ, происходившихъ въ возставшихъ противъ турокъ славянскихъ областяхъ. Тамъ страдали и гибли тысячи человѣческихъ существъ. Воображеніе рисовало Рождественцеву картины этихъ страданій. Юную душу все болѣе и болѣе охватывалъ порывъ невыносимой жалости къ несчастнымъ; само собою родилось страстное желаніе поспѣшить къ нимъ на помощь, отдать всего себя, свою кровь, свою жизнь за спасеніе погибающихъ, и Сережа чувствовалъ, что порывъ этотъ такъ охватилъ его, что онъ не въ силахъ ему противиться...

Да и онъ-ли одинъ чувствовалъ это въ то время? Вся Русь была охвачена однимъ общимъ порывомъ. Старики, пожилые, юноши, дѣти даже—все думали, какъ одинъ человѣкъ, все слились въ одномъ стремленіи спѣшить на помощь страдающимъ братьямъ, все были готовы на всевозможныя жертвы...

Великое это было время, святое время...

Когда со школою было покончено, аттестатъ зрѣлости полученъ, Сергѣй, очутившійся на свободѣ, не сталъ даже хлопотать о поступленіи въ университетъ, какъ мечтали онъ объ этомъ. Въмѣсто университета онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ пѣхотный полкъ. Старушка-мать не удерживала сына, даже не отговаривала его. Она поняла, какія чувства волнуютъ его и толкаютъ на всеѣмъ иной, чѣмъ предполагалось ранѣе, жизненный путь. Старушка только плакала потихоньку, стараясь при сынѣ быть спокойною и даже веселою. Вѣрила бѣдная мать, что пути Промысла неисповѣдимы и что не ея слабымъ

силамъ измѣнить или отвратить то, что суждено ея сыну небесамъ...

Судьбѣ угодно было, чтобы Сергѣй попалъ въ полкъ 14-ой пѣхотной дивизіи, уже не разъ покрывавшей себя военною славою на поляхъ сраженій. Первый ея полкъ—53-й пѣхотный волынской имѣлъ въ своемъ недавнемъ прошломъ Севастополь, защищая который лили свою кровь волынцы. Георгіевскія знамена осѣняли ихъ; серебряныя трубы полка также говорили объ ихъ доблестномъ прошломъ. Другіе полки: минскій, житомирскій, подольскій, также прославляли не разъ себя, и Сергѣй гордился, что ему приходилось на первыхъ же порахъ стать въ ряды этихъ храбрецовъ.

— И въ юнкерское вамъ, юноша, не надобно,—замѣтилъ Рождественцеву его ротный командиръ, капитанъ Соломинъ, когда вольноопредѣляющійся явился къ нему,—пройдете самую лучшую школу—боевую!

Въ близости войны съ турками тогда никто уже не сомнѣвался...

Рождественцевъ очень скоро освоился въ полку. Служба казалась ему трудною, но не тяжелою вовсе. Въ то время сама собою создавалась новая русская армія. Въ ея ряды шли люди съ высшимъ общимъ образованіемъ. Капитанъ Соломинъ, напримѣръ, опредѣлился въ полкъ изъ университета. Съ появленіемъ въ полкахъ такихъ людей смягчились требованія, предъявляемыя къ солдату. Офицеры заботились о воспитаніи духа своихъ подчиненныхъ, допуская для нихъ всякія возможныя въ предѣлахъ военнаго устава облегченія. Солдатъ для начальника сталъ меньшимъ братомъ, но не исключительно боевою силою. Конечно, при такомъ построеніи, вольноопредѣляющійся изъ хорошей семьи, съ образованіемъ, пользовался общимъ вниманіемъ, хотя никакихъ послабленій Рождественцеву не дѣлали, и онъ несъ службу наравнѣ со всѣми своими товарищами-простолудинами.

И вотъ, когда военная гроза должна была разразиться, Рождественцевъ очутился съ своимъ полкомъ въ Кишиневѣ ³⁾, главной квартирѣ уже сформированной дунайской арміи.

Словно живое море какое залило столицу Бессарабіи. Военные всѣхъ родовъ оружія: пѣхотинцы, кавалеристы, артиллеристы съ утра и до ночи видны были на всѣхъ улицахъ города; румыны, молдаване, въ своихъ національныхъ костюмахъ, оборванные, въ лохмотьяхъ, цыгане, болгары, сербы,—всѣ смѣшивались на площадяхъ города въ одну пеструю, немолчно гомонившую толпу. Шумъ, оживленіе, движеніе царили повсюду. На „Скаковомъ полѣ“ у Кишинева полки репетировали къ предстоящему Высочайшему смотру. Жизнь кипѣла всюду. Люди радостно готовились къ близкому подвигу. Скоро-скоро для всѣхъ должны были настать дни, недѣли, мѣсяцы всевозможныхъ лишеній, грозныхъ смертельныхъ опасностей. Каждый торопился жить сегодня, потому что завтра уже могло не принадлежать ему. Такъ летѣло время, пока не пришла вѣсть, что въ Кишиневъ къ собравшимся войскамъ ѣдетъ самъ императоръ Александръ Николаевичъ съ своимъ наслѣдникомъ великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ.

10 апрѣля 1877 г. государь, сопровождаемый, кромѣ наслѣдника, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ младшимъ, княземъ Сергѣемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, министромъ императорскаго двора, военнымъ, путей сообщенія, шефомъ жандармовъ и отозваннымъ уже изъ Константинополя русскимъ посломъ, прослѣдовалъ черезъ ст. Жмеринка въ Бирзулу, а оттуда послѣ смотра войскъ въ Тирасполь, гдѣ онъ встрѣченъ былъ главнокомандующимъ арміей, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, и начальникомъ штаба южно-дунайской дѣйствующей арміи, ген.-ад. Непокойчицкимъ ⁴⁾. Изъ Тирасполя государь въ сопровожденіи всей своей сви-

ты отбылъ въ Кишиневъ. Въ Жмеринкѣ, Бирзулѣ, Тирасполѣ находившіяся тамъ войска представлялись своему, Державному Вождю и теперь была очередь за войсками главной квартиры.

О предстоявшемъ 12 апрѣля Высочайшемъ смотрѣ и писалъ матери наканунѣ его Рождественцевъ, весь проникнутый величіемъ наступающаго мгновенія.

При размѣщеніи войскъ Сергѣй попалъ вмѣстѣ съ другимъ вольноопредѣляющимся Кораловымъ въ убогую молдаванскую лачужку и, несмотря на грязь, сырость и холодъ въ своемъ помѣщеніи, былъ имъ очень доволенъ. Кораловъ рѣдко сидѣлъ дома, и Рождественцевъ подолгу могъ оставаться одинъ съ своими грезами и думами. И теперь, воспользовавшись отсутствіемъ товарища, онъ уѣлся за письмо къ матери, стараясь рассказать родимой своей старушкѣ о всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ послѣднихъ дней, о своихъ чувствахъ, надеждахъ, мечтахъ. Ему уже оставалось дописать очень немного, когда дверь въ лачужку отворилась и вошелъ высокій худой юноша, черный, какъ смоль. Онъ былъ одѣтъ въ форму только-что сформированныхъ первыхъ двухъ батальоновъ болгарскаго ополченія: мѣховую шапку съ зеленымъ верхомъ, въ черный суконный пиджакъ въ родѣ бушлатовъ русскихъ матросовъ, въ черныя суконныя шаровары и сапоги съ высокими голенищами.

— А, Петко, это ты! Здравствуй!—обернулся на стукъ хлопнувшей двери Рождественцевъ,—садись, я, вотъ, мамѣ письмо дописываю, сейчасъ кончу... Прости, братъ, одна минута всего...

— Пиши, пиши,—отозвался Петко,—къ матери писать, счастливецъ!

Онъ тяжело вздохнулъ и присѣлъ на складной табуретъ около убогаго стола, на которомъ при тускломъ свѣтѣ оплывавшей свѣчки дописывалъ послѣднія строки

Рождественцевъ. Нѣсколько минутъ оба молчали. Петко внимательно смотрѣлъ, какъ скользило перо Сергѣя по бумагѣ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.
(Съ портрета Левицкого).

— Напиши твоей матери, чтобы она, когда будетъ молиться, помолилась-бы и за меня,—отрывисто сказалъ онъ, когда Сергѣй поставилъ подъ письмомъ свою подпись.

— А твоя мать, Петко?—спросилъ Рождественцевъ,— ты никогда ничего не говорилъ про нее...

— Я ничего не знаю о ней; гдѣ она, что съ ней — ничего не знаю... Жива-ли она, умерла-ли, ничего, ничего не знаю... Отецъ зарѣзанъ, мать пропала... съ нею пропала сестра, я и о ней ничего не знаю... Все думаю, если бы онѣ были живы, увѣдомили-бы меня или дядю о себѣ...

Петко говорилъ совершенно свободно по-русски. Онѣ съ малыхъ лѣтъ жилъ у дяди-торговца въ Кишиневѣ, учился въ русской школѣ. Родная его семья: отецъ, мать съ остальными дѣтьми жили въ Тырновѣ. Видѣлся юноша съ родными рѣдко, но любилъ ихъ страстно. Онѣ обезумѣлъ отъ горя, когда дошла до него вѣсть о гибели отца и исчезновеніи матери. Безпощадная ненависть къ туркамъ охватила все его существо. Местъ явилась цѣлью его жизни. Онѣ убѣжалъ отъ дяди за Дунай. Что онѣ тамъ дѣлалъ, какъ жилъ—этого никто не зналъ, а самъ онѣ ничего не рассказывалъ. Когда стало извѣстнымъ, что въ Кишиневѣ формируются болгарскія ополченскія дружины, Петко вернулся въ Россію и однимъ изъ первыхъ сталъ въ ряды ополченцевъ. Приняли его охотно. Въ ополченскія дружины много собиралось задунайскихъ бѣглецовъ. Всѣхъ ихъ одушевляла непримиримая ненависть къ туркамъ. Они пылали жаждой кровавой мести за своихъ, погибшихъ отъ рукъ турецкихъ палачей. Рѣдко-рѣдко у кого изъ болгарскихъ бѣженцевъ въ самомъ недавнемъ прошломъ не было дорогого труна: отца, матери, братьевъ, сестеръ, женъ, дѣтей. И они сходились въ Кишиневѣ подъ ополченскія знамена, готовые къ отчаянной борьбѣ. Приходили и старики, и почти дѣти— не мало среди ополченцевъ было студентовъ, гимназистовъ, учениковъ всякихъ школъ. Бокъ-о-бокъ съ ними въ ополченскихъ рядахъ стояли старики, уже бывшіеся съ турками на равнинахъ Сербіи, Босніи, Герцеговины.